

Александр Восьмой

QUAKE:

**Ангел-истребитель
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой

**QUAKE: Ангел-истребитель
(Даффи Толстяк)**

«Автор»

2026

Восьмой А.

QUAKE: Ангел-истребитель (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Планета лежит в руинах после орбитального удара, но под слоем пепла шевелится нечто живое. Отряд «Стальной Рассвет» должен удержать единственный перевал, пока из-под земли поднимаются новые волны строгов. Каждый выстрел здесь — не просто звук, а попытка заглушить шёпот из-под плит, который сводит бойцов с ума. Эскадрилья истребителей прорывается сквозь зенитный огонь, чтобы сбросить десантные капсулы прямо в эпицентр вражеской базы. Для пилотов это последний шанс переломить ход войны, но на поверхности их ждёт не просто сопротивление — ритуал, который превращает поле боя в лабиринт кошмаров.

Александр Восьмой

QUAKE: Ангел-истребитель

(Даффи Толстяк)

Глава 1. «Пепел над Проксимой»

Орбитальный удар стёр с лица Проксимы целые континенты. Теперь небо здесь — не синева и не лазурь, а серая, плотная пелена, будто мир накрыли пыльным саваном. Сквозь эту муть едва пробивался тусклый свет далёкого солнца, и даже он казался чужим, лишённым тепла. Воздух пах озоном, горелой плотью и чем-то ещё — металлическим, едким, словно сама планета истекала кровью.

Флот людей висел над планетой, как стая хищных птиц, готовых броситься вниз. Корабли мерцали тусклыми огнями, их контуры терялись в дымке, и казалось, что они не парят в космосе, а застыли между мирами — ни здесь, ни там. На борту флагмана командир отряда «Стальной Рассвет» капитан Арден сжимал в руках планшет, на экране которого пульсировала красная точка — перевал «Клык».

— Удержать перевал до подхода подкрепления, — прозвучал в наушниках голос адмирала, сухой и бесстрастный, будто речь шла не о жизнях, а о цифрах в отчёте. — Это единственный проход через хребет. Если строговы прорвутся — они отрежут нас от северного плато. Там наши резервы. Без них мы не удержим орбиту.

Арден кивнул, хотя его никто не видел. Он знал: «до подкрепления» могло означать и три часа, и трое суток. А на Проксиме время текло иначе — медленнее, тяжелее, будто вязло в пепле.

Десантные капсулы уже ждали. Бойцы «Стального Рассвета» стояли в отсеке, затянутые в броню, словно в панцири. Их лица скрывали шлемы, но Арден чувствовал напряжение в каждом движении: кто-то нервно постукивал пальцами по броне, кто-то проверял крепления, будто в десятый раз. Они знали, что спускаются в ад, но не знали, какой именно.

Сигнал к высадке прозвучал резко, как удар хлыста. Капсулы сорвались с креплений и устремились вниз, сквозь слои атмосферы, сквозь дым и пепел. Перегрузка вдавила бойцов в кресла, экраны вспыхивали тревожными предупреждениями: «высокая турбулентность», «аномальные магнитные поля», «потеря сигнала».

Когда капсулы пробились сквозь пелену и начали снижаться, пейзаж внизу оказался хуже любых отчётов разведки. Это была не просто опустошённая земля — это была земля, которая будто сопротивлялась присутствию жизни. Руины города тянулись до самого горизонта, их обломки напоминали кости гигантских существ. Пепел лежал повсюду — толстым, плотным слоем, и он действительно шевелился. Не от ветра — ветра здесь почти не было. Он шевелился сам по себе, будто под ним что-то ползло.

Первая капсула ударилась о землю с глухим стуком, вторая — с треском, третья — с визгом металла. Двери распахнулись, и бойцы вывалились наружу, сразу занимая оборону, разворачивая турели, выставляя щиты. Арден выскочил последним, его ботинки утонули в пепле, который оказался не мягким, а колючим, словно состоял из мельчайших осколков стекла.

— Разведка, доклад, — рявкнул он в рацию.

Голос в наушнике прозвучал с помехами, будто пробивался сквозь толщу камня:

— Фиксируем аномальную активность под землёй. Сейсмодатчики показывают движение на глубине двадцати метров. И... ещё кое-что. Звуковые сенсоры улавливают низкочастотный гул. Он не похож ни на технику, ни на природные явления. Это... ритмично. Как сердцебиение.

Арден замер на мгновение, прислушиваясь. И тогда он услышал это. Не через сенсоры, не через наушники — прямо кожей, костями, внутренностями. Тихий, едва уловимый гул, который вибрировал в груди, заставляя сердце биться в такт. Или, может быть, наоборот.

— Это не техника, — пробормотал он себе под нос.

В этот момент пепел на склоне холма вдруг взметнулся вверх, словно его подбросило изнутри. Из-под земли показались первые силуэты — угловатые, неестественно вытянутые, с конечностями, которые сгибались не в тех местах, где положено. Строги. Но не те, с которыми люди сражались раньше. Эти были... другими. Более быстрыми, более чужими.

— Контакт! — крикнул Арден, поднимая винтовку.

Первый выстрел прогремел, как раскат грома в пустой комнате. Плазменный заряд врезался в грудь строгова, разрывая его на части, но даже в этот момент существо не издало ни звука. Оно просто рассыпалось, превращаясь в тёмную пыль, которая тут же смешивалась с пеплом.

Ещё один силуэт поднялся из земли, за ним — ещё. Они появлялись повсюду, будто сама планета рождала их из своих ран. Бойцы открыли огонь, и воздух наполнился вспышками, треском разрядов и шипением перегретого металла. Но среди этого грохота Арден вдруг услышал нечто, что заставило его кровь застыть в жилах.

Тихий шёпот. Он доносился не снаружи — он звучал внутри шлема, внутри головы, будто кто-то шептал прямо в ухо, но слов нельзя было разобрать. Только интонация — древняя, холодная, полная ненависти.

«Они здесь не для того, чтобы сражаться, — пронеслось в голове Ардена. — Они здесь, чтобы свести нас с ума».

Бой нарастал, вспышки озаряли пепельный пейзаж, превращая его в картину из кошмара. Но хуже всего было то, что с каждым выстрелом шёпот становился чуть громче, а пепел — чуть живее. И Арден понимал: удержать перевал будет недостаточно. Им придётся сражаться не только с врагом, который поднимается из-под земли, но и с тем, что пытается проникнуть в их разум.

И в этот момент, глядя на то, как очередной строгов поднимается из пепла, словно воплощение самого кошмара, Арден прошептал в рацию:

— Всем держаться вместе. Не дайте этому шёпоту разделить нас.

Вокруг гремел бой, пепел кружился в воздухе, и планета Проксима будто улыбалась своими руинами, зная, что сегодня она получит новую жертву.

Глава 2. «Тени в руинах»

Город, когда-то гордившийся шпилями и стеклянными мостами, теперь напоминал скелет древнего чудовища: обломки торчали под неестественными углами, а между ними клубился туман — не обычный, а густой, маслянистый, будто сотканный из самой тьмы. Он не стелился по земле — он поднимался из трещин, словно выдыхаемый планетой.

Отряд «Стальной Рассвет» двигался по разбитой улице, шаг за шагом прощупывая каждый метр сканерами. Но экраны мерцали, выдавая ложные контуры: то показывали пустые пролёты там, где стояли груды бетона, то рисовали стены там, где была лишь пустота.

— Сканер сходит с ума, — пробормотал техник Рамирес, нервно постукивая по панели. — Чувствую себя слепым в комнате, полной ножей.

Капитан Арден не ответил. Он смотрел на трещины в асфальте: из них сочилась не вода, а тёмная взвесь, оседавшая на броне чёрными крупинками. Пепел прилипал к металлу, будто хотел проникнуть внутрь, стать частью механизма, частью человека.

Они шли мимо руин административного комплекса — когда-то здесь кипела жизнь, теперь же зияли провалы, в которых терялся свет фонарей. Луч прожектора упирался в туман

и растворялся в нём, не находя опоры. Казалось, что тьма здесь не отсутствие света, а самостоятельная сила, живая и голодная.

Первая стычка случилась у полуобрушившегося перехода. Из тени между колоннами вынырнули силуэты — строги. Но не те, что были в учебниках боевой подготовки. Их движения были неестественно плавными, текучими, будто они не бежали, а перетекали из одной точки в другую. Один из них прыгнул с высоты третьего этажа и приземлился без звука, лишь на мгновение исказив воздух вокруг себя, как мираж.

— Огонь! — рявкнул Арден.

Винтовки взвыли, плазменные заряды прорезали туман, оставляя за собой шлейфы голубого света. Строги падали, но тут же поднимались, и раны на их телах затягивались пугающе быстро — словно плоть спешно сшивала сама себя, затягивая разрывы тёмными нитями.

Один из бойцов, рядовой Клайн, закричал не от боли, а от ужаса. Он прижал ладони к шлему, будто пытался раздавить что-то внутри головы.

— Он шепчет! — кричал Клайн. — Он говорит прямо внутри! Я не могу его выключить!

Арден рванулся к нему, схватил за плечи.

— Клайн! Смотри на меня! Только на меня! Не слушай!

Но в глазах бойца уже плескался первобытный страх, будто он видел нечто, недоступное остальным. А потом Клайн вдруг резко дёрнулся, вырвался из хватки и бросился вперёд, прямо в гущу врагов, стреляя в пустоту.

— Нет! — Арден рванул следом, но было поздно.

Клайн врезался в стену, отскочил, снова выстрелил, а потом замер, уставившись в одну точку. Его винтовка упала на землю, а сам он медленно осел, будто из него выдернули стержень. Когда Арден подбежал, Клайн уже не дышал. Его глаза были широко раскрыты, а на лице застыло выражение не боли, а бесконечного изумления — будто перед смертью он увидел нечто, что невозможно было осознать.

Бой продолжался, но теперь каждый выстрел звучал иначе. Не как удар по врагу, а как попытка заглушить шёпот, который проникал сквозь броню, сквозь фильтры, сквозь саму волю. Каждый разряд плазмы на мгновение разрывал тишину, и в этой вспышке бойцы видели друг друга — настоящих, живых, а не призраков, которых рисовало их сознание.

Когда волна строгов отступила, оставив после себя лишь тёмные пятна на пепле, отряд собрался в полуразрушенном вестибюле. Рамирес пытался снять показания с датчиков, но они выдавали бессмыслицу: температура падала до минусовых значений, хотя воздух был горячим от выстрелов; гравитация будто колебалась, заставляя бойцов на мгновение чувствовать себя легче или тяжелее.

— Это не просто помехи, — тихо сказал Рамирес. — Это планета играет с нами. Она меняет правила.

Арден кивнул. Он и сам чувствовал это: пространство здесь будто дышало, сжималось и разжималось, подстраиваясь под страх.

В этот момент из глубины руин донёсся звук — не шёпот, а низкий, вибрирующий гул, который не столько слышался, сколько ощущался костями. Он шёл не снаружи, а будто из-под плит, из самой толщи земли.

— Они не просто атакуют, — произнёс Арден, глядя в темноту провала. — Они пробуждают что-то. И это «что-то» хочет, чтобы мы боялись.

Бойцы переглянулись. В их взглядах уже не было прежней уверенности, но в них ещё оставалась воля. Они знали: если поддаться шёпоту, если позволить ему разделить их, они проиграют ещё до того, как последний строг выйдет из тени.

— Держаться вместе, — приказал Арден. — Никаких одиночных выходов. Если кто-то начнёт слышать голоса — сразу сообщайте. Мы не дадим этому месту забрать наши умы.

Туман между плитами шевелился, будто прислушивался. Тени в руинах стали гуще, плотнее, и казалось, что они уже не просто скрывают врагов, а сами становятся врагами. Но отряд «Стальной Рассвет» стоял твёрдо, сжимая оружие, как якорь в бушующем море безумия.

И когда из темноты снова показались силуэты, Арден первым шагнул вперёд, разрывая тьму выстрелом, и крикнул:

— Пусть слышат нас! Пусть знают, что мы здесь!

Пламя озарило руины, на мгновение отогнав тени, и в этом свете люди увидели не просто врага — они увидели вызов. И приняли его.

Глава 3. «Мост над беззвучной пропастью»

Мост висел над пропастью, будто насмешка над законами физики: перекошенные балки, проржавевшие фермы, зияющие провалы там, где когда-то лежали плиты. Он не просто был разрушен — он выглядел так, словно его специально изуродовали, чтобы никто не решился ступить на него. Снизу поднимался туман — не обычный, а плотный, вязкий, похожий на застывший дым. Он не клубился, не струился — он лежал, как слой мёртвой воды, скрывая дно пропасти.

Отряд «Стальной Рассвет» замер у края моста. Даже сквозь фильтры шлемов чувствовался запах: тяжёлый, металлический, будто сама пустота здесь имела вкус.

— Это не просто мост, — тихо произнёс Рамирес, водя сканером по воздуху. Показания плясали, цифры сменялись хаотично. — Здесь что-то гасит звук. Даже вибрации не проходят.

Арден молча кивнул. Он и сам это чувствовал: тишина здесь была не отсутствием шума, а чем-то активным, почти враждебным. Она давила на уши, проникала глубже, чем любой грохот боя, и заставляла сердце биться чаще — просто чтобы напомнить, что оно ещё работает.

— Двигаемся цепочкой, — скомандовал Арден. — Дистанция два метра. Держать визуальный контакт. Если связь пропадёт — работаем только по жестам. Никаких одиночных решений.

Они шагнули на мост. Металл под ногами стонал, но звук не разносился — он будто тонул в воздухе, не успевая родиться. Даже шаги звучали глухо, как если бы ботинки ступали по чему-то мягкому, поглощающему удар.

С каждым метром тишина становилась плотнее. Она обволакивала, лишала ориентиров, размывала границы между реальностью и тем, что мерещилось на краю зрения. Ардену казалось, что он видит движение в тумане — лёгкие всплески, будто что-то всплывало и снова уходило вниз. Но стоило повернуть голову — и всё исчезало.

На середине моста связь рухнула мгновенно, без предупреждения. Сначала пропали данные телеметрии, потом — голос Рамиреса, потом — вообще любой сигнал. В наушниках осталась только мёртвая тишина, более пугающая, чем любой крик.

— Связь потеряна, — спокойно, но твёрдо произнёс Арден, хотя его никто не мог услышать. Он поднял руку, показывая жест «внимание», и бойцы тут же заняли круговую оборону, прижимаясь спинами друг к другу.

И тогда из тумана начали подниматься силуэты.

Это были не обычные строги. Их очертания дрожали, будто не могли удержаться в одном измерении. Они двигались не рывками, а плавно, неестественно, словно скользили по невидимым волнам. Их тела казались полупрозрачными, и сквозь них на мгновение проглядывали другие формы — более древние, более жуткие, будто эти существа были лишь масками для чего-то большего.

Первый из них поднялся прямо перед бойцом Мартином. Тот выстрелил, не раздумывая. Плазменный заряд ударил в грудь существа, но вместо того чтобы разорвать его, он будто растёкся по поверхности, как капля воды по стеклу, и погас, не причинив вреда.

Мартин отшатнулся, и в этот момент существо сделало выпад — не рукой, а самой тенью, которая вытянулась, как щупальце, и ударила его в грудь. Мартин отлетел назад, врезался в перила и замер, глядя перед собой широко раскрытыми глазами. Его броня была цела, но он не двигался.

Арден бросился к нему, но было поздно. Мартин был мёртв — без ран, без крови, с выражением ужаса на лице, будто он увидел нечто, что невозможно описать словами.

Бой вспыхнул мгновенно. Винтовки трещали, плазменные заряды разрезали туман, но враги не падали. Они рассеивались, исчезали, чтобы появиться снова — уже с другой стороны, ближе, быстрее. Каждый выстрел теперь был не просто ударом по врагу, а попыткой вернуть себе ощущение реальности, прорвать эту гнетущую тишину, которая пыталась заглушить саму мысль.

Рамирес нашёл способ: он снял с пояса электромагнитный импульс и активировал его. Вспышка озарила мост, и на мгновение туман отступил, а силуэты стали плотнее, уязвимее. В этот миг бойцы смогли нанести настоящие удары. Существа рассыпались тёмной пылью, которая оседала на металл и тут же исчезала, будто её никогда и не было.

Но победа далась дорогой ценой. Мартин остался лежать на мосту, его тело казалось частью этого места — ещё одной сломанной деталью рухнувшего мира.

Когда туман окончательно рассеялся, отряд собрался у уцелевшей опоры. Никто не говорил. Не потому что не было слов — потому что слова здесь звучали бы слишком громко, слишком неестественно.

Арден посмотрел на бойцов. В их глазах читалась усталость, но не сломленность. Они поняли главное: здесь тишина — это оружие. И каждый выстрел отныне будет не просто защитой, а криком, который напоминает, кто они есть.

Он поднял руку и указал вперёд — на другой конец моста, где сквозь пелену уже проступали очертания перевала.

— Вперёд, — произнёс он, и звук собственного голоса показался ему чудом.

Они двинулись дальше, оставляя позади мёртвого товарища и тишину, которая хотела их поглотить. Каждый шаг отдавался не эхом — он отдавался сопротивлением, борьбой за право слышать себя. И когда первый боец ступил на твёрдую землю, Арден позволил себе короткий взгляд назад.

Мост дрожал, будто дышал. Туман снова поднимался, скрывая провалы. И на мгновение ему показалось, что среди теней мелькнул силуэт — не чужой, а знакомый. Силуэт Мартина.

Но Арден отвернулся. Он знал: если позволить себе поверить в то, что он видел, тишина победит.

А они ещё не проиграли.

Глава 4. «Шёпот в металле»

Перевал «Клык» встретил отряд не гостеприимством, а настороженной тишиной — такой, в которой каждый вдох казался слишком громким, а каждый шорох отдавался в груди ледяным уколom. Скалы здесь стояли стеной, будто сами пытались заслонить людей от чего-то, что пряталось в тенях. Отряд «Стальной Рассвет» занял позицию в полуразрушенной сторожевой башне, чьи стены ещё хранили следы прежних боёв — вмятины от снарядов, оплавленные участки брони, тёмные потёки, похожие на застывшую кровь.

— Закрепляемся, — скомандовал Арден, опуская визор и оглядывая пространство сквозь фильтры. — Рамирес, проверь энергоячейки и связь. Нам нужно хотя бы локальное покрытие. И пусть кто-нибудь поставит датчики по периметру — пусть пищат, даже если это просто ветер.

Ветер здесь был странным: он не свистел, а будто шептал, скользя между камнями, и этот шёпот пробирался под броню, под кожу, заставляя пальцы невольно сжимать рукоять винтовки крепче, чем нужно.

Рамирес опустил у блока питания, щёлкнул переключателями, но экран вместо привычных графиков выдал хаотичные линии, которые бежали по дисплею, как испуганные насекомые.

— Что за... — механик нахмурился, постучал по панели, будто это могло вернуть здравый смысл приборам. — Данные не сходятся. Температура брони растёт, хотя снаружи едва выше нуля. Датчики движения показывают активность там, где пусто. А гравитация... гравитация будто скачет. На секунду кажется, что ты тяжелее, потом — легче. Как будто сама земля здесь не уверена, хочет ли она нас держать.

Арден подошёл ближе, всмотрелся в цифры. Они бежали, менялись, противоречили друг другу. Это не было похоже на обычные помехи. Это было похоже на то, что техника... сопротивлялась.

В этот момент рядовой Торн, стоявший у стены, вдруг резко дёрнулся, будто его ударило током.

— Броня горит, — прохрипел он, хватаясь за нагрудную пластину. Его голос звучал глухо, будто доносился из-под воды. — Не снаружи... изнутри. Чувствую, как металл греется прямо на коже.

Арден рванулся к нему, сорвал с пояса охладитель и прижал к броне. Но даже сквозь перчатки он почувствовал: металл был горячим, неестественно горячим, будто внутри него разгорелся крошечный, но яростный огонь.

— Снимай, — приказал Арден. — Осторожно.

Торн расстегнул крепления, сбросил нагрудник и отшатнулся, будто боялся, что тот оживёт. Когда пластина упала на пол, все замерли.

На внутренней стороне, там, где металл соприкасался с подкладкой, проступали символы. Тёмные, будто выжженные, они сплетались в узор, который не был похож ни на один известный код, ни на руническую письменность, ни на технический штамп. Линии изгибались, словно живые, и казалось, что они... шевелятся.

— Это не коррозия, — прошептал Рамирес, наклоняясь и не решаясь прикоснуться. — Это будто... проросло. Сквозь металл.

Арден смотрел на знаки, и в его груди поднимался холод, не от ветра и не от страха перед врагом — от понимания, что враг теперь не только снаружи. Он проникал внутрь, в самую структуру вещей. В броню. В приборы. В реальность.

— У всех проверить экипировку, — резко бросил Арден. — Каждую пластину, каждый шов. Если найдёте что-то похожее — не трогать. Просто пометить и отойти.

Бойцы разошлись по башне, проверяя броню, переглядываясь, стараясь не показывать, как дрожат пальцы. В воздухе повисло напряжение, густое, как туман в пропасти, и каждый звук — щёлчок застёжки, скрип металла — звучал громче, чем должен был.

Ночь пришла не как облегчение, а как новая угроза. Тьма здесь была плотной, осязаемой, будто её можно было сжать в кулаке. Датчики продолжали выдавать ложные тревоги: то показывали движение прямо в центре позиции, то теряли целые сектора обзора. Бойцы сидели в полумраке, слушая, как скалы шепчут что-то на незнакомом языке, и старались не смотреть в темноту дольше, чем нужно.

А потом пропал Кесслер.

Он сидел у дальнего угла, проверял магазин, тихо бормотал себе под нос какую-то старую песню, чтобы не сойти с ума от тишины. Потом замолчал. И исчез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.